

РЕФОРМЫ: ПРОЕКТЫ И НАЧАЛЬНЫЕ ШАГИ

Как сложились команда реформаторов и ее программа,¹ или о неофициальном экономическом дискурсе в реформаторском движении 1980-х годов

О.И. АНАНЬИН

В данной статье представлена неизбежно субъективная версия возникновения команды реформаторов и кристаллизации программы реформ в последнее десятилетие существования СССР. И претензия на релевантность этой версии и ее ограниченность связаны с тем, что автор был непосредственно включен в тот круг общения (дискурс-сообщество), из которого и рекрутировалось ядро команды российских реформаторов. Это сообщество возникло в начале 80-х и достигло пика своей активности в годы перестройки. В значительной степени это было дискурс-сообщество молодых исследователей из московских научных институтов и преподавателей экономических факультетов ленинградских ВУЗов. Позже к ним присоединилось несколько экономистов и социологов из Новосибирска и других научных центров. Лидирующая роль в этом сообществе принадлежала Егору Гайдару и Анатолию Чубайсу, его членами были в будущем ключевые фигуры реформаторского правительства Гайдара (Сергей Глазьев, Сергей Васильев, Петр Авен), будущие крупные российские чиновники уровня главы ЦБ и министра финансов, видные консультанты и аналитики. Институционализацию сообщества обычно связывают с конференцией молодых ученых в Змеинке (Змеиня Горка – курортная местность недалеко от Ленинграда) в 1986 г. В 2006 г. к двадцатилетию этого события интернет-портал polit.ru провел серию бесед с участниками сообщества о его истории [Змеинка 2006–2010]. Наряду с прочими источниками эти материалы стали полезным подспорьем при подготовке данной статьи. Дискурс, объединявший сообщество, из которого вышли реформаторы, можно – с некоторой долей условности – назвать «неофициальным», поскольку он формировался и функционировал на фоне своей противоположности – «официального дискурса». В 1980-е гг. последний стремительно менялся как по содержанию, так и по степени своей императивности. Граница между официальным и неофициальным дискурсами к 1987–1988 гг. стала весьма размытой, а к 1989 г. она практически исчезла. Поэтому в дальнейшем в центре внимания будет находиться именно период 1985–1988 гг., когда и сложилось ядро будущей команды реформаторов. Первая часть статьи – предыстория дискуссии, возникшей в рамках дискурса реформаторского движения; вторая часть посвящена конкретному эпизоду – подготовке концептуального доклада 1985 г. Третья часть – попытка оценить «парадигму торга», или «административного рынка», претендующую на место теоретического ядра дискурс-сообщества будущих реформаторов. В четвертой части концепция, которой реформаторы оперировали в середине 1980-х, сравнивается с программой реформ, которая стала фактически осуществляться в 1990-е.

Ключевые слова: экономические реформы, советская экономическая мысль 1980-х гг., «экономика торга», «административный рынок», градуализм, «шоковая терапия», вашингтонский консенсус, Янош Корнай, С.С. Шаталин, Е.Т. Гайдар

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на XII Конференции Европейского общества истории экономической мысли (ESHET) «Развитие и переходные процессы в истории экономической мысли» (Прага, май 2008 г.).

Откуда взялись реформаторы?

В стране с императивной официальной идеологией вопрос «откуда взялись реформаторы?» совсем не праздный. Когда существующая система (политическая, экономическая, т.д.) считается лучшей по сравнению с любой другой, вопрос о системном реформировании на повестку дня не ставится. Термин «реформа» практически отсутствовал в официальном советском дискурсе вплоть до 1987 г. Предпочтение отдавалось термину «совершенствование», который в начале горбачевского периода был заменен на «перестройку». Тем самым любая дискуссия на тему экономических реформ (уже самим этим термином) обозначала свою дистанцированность от официальной идеологии, обретала некоторый оттенок неофициальности.

Поскольку обосновать идею системной реформы на базе официальной идеологии не было никакой возможности, потенциальному реформатору оставалось два пути: стать диссидентом, то есть порвать с официальной идеологией и перейти в оппозицию к существующей власти, или выбрать позицию «лояльного реформатора» и искать возможность легитимизации своих реформаторский устремлений, то есть как минимум пытаться совместить их с официальным дискурсом. Впрочем, возможна была и смешанная стратегия (или стратегия двойной жизни): порвать с государственной системой в мыслях, но не обнаруживать эту установку внешне, не нарушать принятых «правил игры» в своем поведении. Такие «латентные диссиденты» были готовы играть в привычные языковые игры о «совершенствовании системы», но для них в отличие от «лояльных реформаторов» и «совершенствования» и «реформы» были не более чем эвфемизмом перехода к капитализму как экономической системе, последовательно выстроенной на рыночных принципах².

Для рассматриваемого периода позиция «лояльных реформаторов» оставалась наиболее характерной. Взгляды явных диссидентов имели значение в контексте общеполитических дискуссий, но были мало заметны в дебатах на экономические темы. Позиция «латентных диссидентов», вероятно, имела больше сторонников, но в то время их было крайне сложно отличить от «лояльных реформаторов», а ретроспективные свидетельства на этот счет недостаточно надежны, чтобы их принимать на веру. Что же касается документированной истории этого периода, то она еще не написана.

Правомерность идей лояльных реформаторов требовала обоснования на базе марксизма и/или социалистического опыта, и чаще всего точкой отсчета служили советский опыт НЭПа 1920-х гг. или экономические реформы в восточно-европейских социалистических странах. Стоит отметить, что доля владеющих каким-либо из восточно-европейских языков среди будущих реформаторов была очень высока, а венгерский англоязычный журнал *Acta Oeconomica* наряду с работами Яноша Корнай служили в тот период общим источником идей и информации.

При этом общность исходных позиций вовсе не исключала расхождения идеологических ориентиров. Внутри сообщества существовали одновременно «наивные рыночники», верившие в идею свободной рыночной экономики, как она описывалась в стандартных западных учебниках, и «инструментальные рыночники», которые были согласны передать рынку то, что по их разумению он был способен отрегулировать, но отнюдь не предоставлять полную свободу. Вероятно, позднейшие расколы (например, уход Сергея Глазьева из правительства в 1993 г.) и разногласия внутри команды реформаторов имели корни как раз в этих различиях. В любом случае преваляровавшие настроения были сдержанными и прагматич-

² В официальном советском дискурсе эта позиция (хотя и в несколько эпатажной форме) была впервые представлена в знаменитой статье Л.Пьяшевой (Попковой) «Где пышнее пироги?» в журнале «Новый Мир», май 1987 г.

ными³. Более радикальной позиции придерживались лишь молодые либертарианцы из ленинградской группы «Синтез», образовавшейся вскоре после конференции в Змеинке.

Позволительно ли отнести дискурс данного сообщества к неофициальному – вопрос критерия. Можно различать письменные и устные дискурсы; опубликованные и неопубликованные тексты; тексты, предназначенные для ограниченного круга лиц и общедоступные⁴, но при этом все эти разделения не улавливают главного: нетождественности прямого и скрытого смыслов, которые могли быть заключены в этих дискурсах. Вся значимая советская общественно научная (как и художественная) литература имела свою скрытую размерность: ее авторы были вовлечены в бесконечную языковую игру, в которой принятые правила (т.е. официальный дискурс) использовались так, чтобы донести до читателя послание, выходящее за рамки официально санкционированного; это была игра с редакторами и цензорами, коллегами и общественностью; чтение было расшифровкой текста, и в этом смысле все значимые тексты имели некоторый оттенок нелегальности.

Так как коммуникация основывалась на языковой игре, особое значение приобретал выбор языка как инструмента «упаковки» соответствующего послания. Фактически перед авторами стояли две относительно самостоятельные задачи: первая – выразить и передать идею, чтобы найти для нее поддержку, вторая – легитимизировать идею в официальном дискурсе с тем, чтобы она получила шанс на осуществление. Как правило, первая задача решалась уходом от официального языка и выражением своих мыслей либо через абстрактные математические построения, либо, наоборот, путем их облачения в прагматическую форму обсуждения проблем «управления предприятиями» или «организации производства»⁵. Однако для решения второй задачи такая техника была неэффективна, без вхождения в официальный дискурс было просто не обойтись. Нужна была такая адаптация официальной доктрины, которая бы обеспечивала ее совместимость с новыми идеями. Например, с этой точки зрения идея рабочего самоуправления была более приемлемой, чем идея рынка труда.

Для тех, кто понимал правила игры, дискурсивные практики советского обществоведения 1980-х не создавали существенных препятствий в работе. Как вспоминает Петр Авен: *«Мы совсем не были диссидентами... мы себя воспринимали частью академической среды..., ощущали до конца восьмидесятых вполне органичной частью экономического истеблишмента... Было понимание, что некая есть традиция борьбы с системой, но это все было вполне нормальной формой бытия... [У нас] был доступ практически к любой литературе»* [Авен 2006].

На местном уровне социальный климат мог варьироваться: так, в Академии наук он был лучше, чем в университетах, в Москве – лучше, чем в Ленинграде. Но как бы то ни было, именно в такой интеллектуальной атмосфере сложилась команда будущих реформаторов во главе с Егором Гайдаром или, как ее иногда называли, «правительство младших научных сотрудников». Ни бывшая номенклатура, ни системная антисоветская оппозиция к ее формированию прямого отношения не имели.

³ Министр внешнеэкономических связей в правительстве Е.Т. Гайдара Петр Авен иллюстрирует этот момент, вспоминая как в 1985–1986 гг. его предложение обратить особое внимание на шведскую модель было отвергнуто Гайдаром со словами *«Давай заниматься реальностью – тем, что реально может понадобиться»* [Авен 2006].

⁴ Примером неофициального экономического дискурса является книга Виталия Найшуля *«Другая жизнь»* [Найшуль 1985], в которой нестандартно описываются реальности советской экономики и общие черты программы реформ (включая идею ваучерной приватизации). Несмотря на в чистом виде нелегальный характер книги Найшуля (она распространялась под псевдонимом), автор, будучи аналитиком в НИЭИ Госплана СССР, стремился проталкивать свои идеи и по бюрократическим каналам, используя контакты с официальными лицами Госплана.

⁵ Встречались и более изощренные примеры скрытого дискурса, когда, например, тексты, описывающие восточные бюрократии, читались как аллегории про отечественную реальность. Одним из таких примеров может служить монография востоковеда А.И. Левковского *«Мелкая буржуазия: облик и судьба класса»* (М.: Наука – ГРВЛ, 1978).

Реформа: что и почему?

В 1985 г. С.С. Шаталин собрал группу своих сотрудников из ВНИИСИ и попросил их поработать над концепцией, которая бы объяснила необходимость и правомерность масштабной экономической реформы в СССР и заодно ответила бы на широко распространенный среди западных советологов тезис о неререформируемости советской системы. Содержание и судьба материала, подготовленного по инициативе С.С. Шаталина [ВНИИСИ 1985; ВНИИСИ 1986], представляет интерес для понимания условий, в которых вызревала концепция реформ. Данный документ включал характеристику сложившейся экономической системы и основные черты того, что можно назвать целевой моделью реформы:

– оценка *status quo* была основана на противопоставлении базовых идеологических (политэкономических) постулатов, претендовавших на то, чтобы служить адекватным описанием советской экономики, и некоторых хорошо известных ее фактических характеристик. Например, официальный тезис о плановом характере экономики сопоставлялся с фактами «ошибочных плановых решений, ... нередко невыполнения плановых заданий и их необоснованных корректировок». Речь шла не об отказе от принципа плановой экономики, а, напротив, о его укреплении за счет преодоления тех явлений, которые его дискредитировали. Это было необходимо, чтобы реформы, способные улучшать положение дел, не тормозились только потому, что противоречили неким теоретическим догмам;

– *целевая модель* концепции была построена на идее разграничения процессов функционирования экономики, которые, как предполагалось, могли в основном базироваться на рыночных принципах, и развития экономической системы, которое должно было регулироваться в плановом порядке. Это подразумевало, что инвестиционные возможности предприятий должны быть достаточными для замещения и обновления основных фондов, но не достаточными для запуска значительных инвестиционных проектов. Последние должны были остаться в ведении центральных плановых органов или осуществляться совместными решениями предприятий и этих органов. Интересно заметить, что именно Егор Гайдар предложил подкрепить этот ключевой тезис концепции известным высказыванием Д.М. Кейнса о том, что *«когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дома, трудно ожидать хороших результатов. Если смотреть на Уолл-стрит как на институт, социальное назначение которого заключается в том, чтобы направлять новые инвестиции по каналам, обеспечивающим наибольший доход в смысле будущей выгоды, то его достижения никак нельзя отнести к разряду выдающихся триумфов капитализма, основанного на laissez-faire»* [Кейнс 1978]⁶.

Статья, основанная на этом материале, была направлена в один из советских экономических журналов, редактор которого считался рыночно-ориентированным. Но публикация в общедоступном, хотя и малотиражном издании не состоялась, поскольку редактор не был готов принять один пункт, касавшийся политики занятости. Сомнительный тезис звучал так: *«В условиях интенсификации экономики необходимо... перейти к проведению политики не только социальной, но и экономически эффективной занятости. Это предполагает последовательный отказ от действующей практики участия самих предприятий в решении задач обеспечения полной занятости... Ответственность за обеспечение полной занятости и сбалансированности в сфере трудовых ресурсов, а также трудоустройство работников, высвобождаемых по соображениям экономической эффективности,*

⁶ Четыре года спустя Е.Т. Гайдар нашел место для этой цитаты Кейнса и в своей книге «Экономические реформы и иерархические структуры» (Москва, 1990).

должны нести государственные функциональные и региональные органы управления. Этот механизм предполагает гарантии не данного рабочего места, а рабочего места вообще, требует создания действенной системы переподготовки и переквалификации кадров, социального обеспечения временно высвобожденных работников» [ВНИИСИ 1986, с. 21]⁷.

Такой была отправная точка как в отношении содержательного наполнения идеи реформы, так и в отношении принятых «правил игры».

«Парадигма торга»?

Теория торга (или административного рынка), выдвинутая рядом активных участников рассматриваемого дискурс-сообщества (прежде всего, В.А. Найшулем, С.Г. Кордонским и В.М. Широниным), бросала вызов идеологически выдержанному образу централизованной и плановой социалистической экономики. Эта концепция подчеркивала значение горизонтальных отношений торга как между фирмами, так и между фирмами и местными властями. Согласно П.О. Авену и В.М. Широнину, «*“командная экономика” постепенно заменяется “экономикой согласований” (“экономикой торга”), в которой отношения вышестоящих с нижестоящими представляют собой не только (да и не столько) отношения подчиненности, сколько отношения обмена*» [Авен, Широнин 1987, с. 34].

В рамках сообщества возникла своего рода дискуссия вокруг оценки этого теоретического конструкта: следует ли концепцию административного рынка считать оригинальным вкладом реформаторов в общую экономическую теорию или всего лишь наброском важного проекта, оставшегося незавершенным из-за вовлеченности его авторов в реальную политическую деятельность. В этом контексте заслуживают внимания два вопроса.

Первый – главным образом исторический. Притязание «парадигмы торга» на теоретическую новизну интересно проанализировать в сравнительном контексте на межстрановом уровне, поскольку похожие идеи были характерны для реформаторской литературы и других бывших социалистических стран. Все эти усилия были направлены на разработку позитивной теории плановой экономики советского типа и опирались на более ранние попытки зафиксировать те или иные черты таких экономик. Теория «экономики дефицита» Яноша Корнаи была, несомненно, наиболее зрелым выражением этих усилий, хотя для целей описания такой крупной экономической системы как Советский Союз с его специфическими региональными различиями, она была, вероятно, слишком общей и потому малоприменимой. «Парадигма торга», скорее, продолжала уже наметившуюся линию анализа, была попыткой ее адаптации к специфике именно советской экономической системы.

Второй вопрос касается выводов, которые следовали из парадигмы торга. В советских дискуссиях конца 1980-х гг. наличие отношений торга иногда толковалось как признак определенного уровня развития рыночных отношений внутри советской системы. Этот аргумент подразумевал, что рыночные реформы, особенно приватизация, могут строиться на этом основании. Этот, на первый взгляд, правдоподобный тезис предстает в ином свете, если его поставить в контекст известного разграничения *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* как альтернативных типов социальности. Если обменные отношения в экономике торга отнести к социальности типа *Gemeinschaft*, т.е. к обменам, подобным тем, что существуют в локальных обществах, связанных узами родства или знакомства, тогда переход к рыночной

⁷ Нужно признать, что в ведомственном издании – сборнике трудов ВНИИСИ – публикация того же текста прошла без осложнений.

экономики, характерной для социальности типа *Gesselschaft* – преобладающей в большинстве западных обществ – окажется не столь простым. В таком контексте обменные отношения типа торга будут выступать уже не базой реформ, а их непосредственным и весьма сложным объектом. Смещение этих двух типов обменных отношений чревато недооценкой исторического масштаба процесса, который уместнее называть «трансформацией», а не просто «реформой». Достаточно вспомнить, что для Карла Полани именно разграничение *Gemeinschaft* и *Gesselschaft* послужило важнейшим средством осмысления масштабных исторических процессов, сформировавших европейскую цивилизацию [Полани 2002].

Реформаторы или спасители: в игру вступают экономисты мэйнстрима

Последний момент подводит нас к третьей части стандартных текстов об экономических реформах – к вопросу о ее траектории. Есть некий парадокс, оставшийся, похоже, без внимания в литературе о рыночных реформах типа «шоковой терапии».

С одной стороны, когда будущие реформаторы разрабатывали свои программы, они, судя по всему, были убежденными градуалистами. Это, в частности, отчетливо следует из тщательно проработанного поэтапного анализа процесса реформы, выполненного ленинградскими участниками дискурс-сообщества С.А. Васильевым и Ю.В. Ярмагаевым. Обобщая свою позицию, они писали: «*Однако несмотря на высокую эффективность хозрасчетного механизма, переход к нему в короткие сроки при нынешнем состоянии хозяйства не может быть осуществлен, поскольку такой переход вызовет серьезные экономические трудности... В такой ситуации перевод предприятий на самоокупаемость приведет к тому, что одни предприятия немедленно разорятся, а другие будут получать сверхприбыли. В результате неизбежно возникновение безработицы, резкая дифференциация доходов населения и прекращение экономического роста... Либерализация режима ценообразования приведет не к ликвидации дефицита, а к его обострению: сокращение производства наступит гораздо раньше, чем цены хоть немного приблизятся к равновесным*» [Васильев, Ярмагаев 1987, с. 42–43].

С другой стороны, в 1991–1992 гг. российские реформаторы получили широкую известность как убежденные сторонники «шоковой терапии». Что случилось за столь короткий срок, что «младшие научные сотрудники-градуалисты» стали «министрами-шокотерапевтами»?

Моя гипотеза предполагает сочетание двух факторов:

Во-первых, в период 1988–1991 гг. советская экономика была отмечена растущим внутренним и внешним неравновесием, вызванным как снижением цен на нефть, так и непродуманной экономической политикой Горбачева. В результате дискуссии вокруг экономической реформы (политически санкционированные решением пленума ЦК КПСС в апреле 1987 г.) оказались тесно переплетенными с текущими проблемами экономической стабилизации. Как мы увидели, концептуально реформаторы были не готовы к одновременному решению двух задач: реформы системы и стабилизации. Логика их предыдущих разработок подсказывала, что условия для реформ были неблагоприятными. Это был сложный выбор: политическая ситуация давала долгожданный шанс для реформ, а экономическая обстановка мешала им воспользоваться.

Второй фактор – внешний. До 1987–1988 гг., то есть именно до обсуждаемого периода, теоретический фон реформаторской мысли был, так сказать, эндогенным и специфичным лишь для некоторого сегмента общественно-научного сообщества

бывших (европейских) социалистических государств, но эта ситуация стала стремительно меняться примерно с 1988 г.

Горбачевская перестройка создала условия для быстрого расширения международных контактов среди экономистов: важным дополнительным каналом таких контактов для будущих реформаторов послужил Международный Институт Прикладного системного анализа в Вене (IIASA), сотрудником которого примерно в это же время стал Петр Авен. По его свидетельству, вместе с С.С. Шаталиным (тогда уже членом Президентского совета) им удалось найти средства для организации конференций и семинаров с участием ведущих экономистов мейнстрима⁸, таких как Р. Дорнбуш, В. Нордхаус, Л. Лэйард и др. [Авен 2006].

Похоже, именно так сошлись идея рыночных реформ и идея стандартной стабилизационной программы, или знаменитого Вашингтонского консенсуса Джона Вильямсона, провозглашенного тогда же, в 1989 г. В результате их совмещения пакет стабилизационных мер был переосмыслен как инструмент запуска системных реформ: чаяния реформаторов были подкреплены репутацией ведущих экономистов мейнстрима!

Тщательно разработанные проекты поэтапных реформ были отброшены вместе с идеей опоры на общественное согласие как их социальную предпосылку: в 1990 г. группа будущих реформаторов посетила Чили, и многие из них вернулись поклонниками Пиночета. В том же году вновь созданная Ассоциация социальных и экономических наук во главе с Анатолием Чубайсом выпустила аналитический отчет с целью *«исследования возможных последствий ускоренного перехода СССР к рыночной экономике (концепция «большого скачка»)»* [Жестким курсом... 1990, с. 15]. Отчет утверждал, что *«базовые идеи концепции «большого скачка» представляются рациональными и своевременными»*, при том, что среди ближайших социальных последствий ее назывались *«общее снижение уровня жизни; рост дифференциации цен и доходов населения и возникновение массовой безработицы»*.

«В этих условиях, – говорилось далее в документе, – правительству очень важно принять правильный тон по отношению к обществу: с одной стороны – готовность к диалогу, с другой стороны – никаких извинений и колебаний... Совершенно необходимы меры прямого подавления по отношению к представителям, реально не пользующихся поддержкой населения (что показали выборы)... Реформа или, по крайней мере, подготовка к ней общественного мнения должна быть начата как можно быстрее – до формирования мощной оппозиционной прессы, то есть, пока контроль за основной частью mass-media остается в руках правительства (не исключено, что с этой целью придется задержать принятие законов о печати и о политических партиях)...; в самое ближайшее время идеологам реформы из состава политического руководства страны необходимо поставить под свой контроль все центральные средства массовой информации» [Жестким курсом... 1990, с. 16,18].

А несколько позже, в 1990 г., появился еще один стимул для интенсификации усилий, направленных на ускорение реформ, – осознание появившегося шанса получить власть [см. Змеинка, свидетельства Г.Ю. Глазкова, П.О. Авена и др.].

Литература

Авен П.О., Широнин В.М. (1987) Реформа хозяйственного механизма: реальность намечаемых преобразований // Известия Сибирского Отделения АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. № 13.

⁸ Для оценки значимости этих контактов показательным признанием П.О. Авена в том, что осознание его собственной оторванности от профессионального мейнстрима пришло к нему лишь благодаря встрече с Вацлавом Клаусом, которая состоялась незадолго до его отъезда в Вену [Авен 2006].

- Авен П.О.* Мы никогда не будем любимы в нашей стране. Интервью с Петром Авеном // <http://www.polit.ru/analytics/2006/12/12/aven1.html>
- Васильев С.А., Ярмагаев Ю.В.* (1987) Хозрасчетный механизм управления производством: теоретические основы и предпосылки внедрения // Проблемы целостной концепции управления промышленностью. Сборник научных трудов. Отв.ред. А.Б. Чубайс. Ленинград.
- ВНИИСИ (1985) К разработке концепции совершенствования хозяйственного механизма // Сборник трудов ВНИИСИ. № 1.
- ВНИИСИ (1986) Некоторые теоретические проблемы совершенствования хозяйственного механизма на современном этапе // Сборник трудов ВНИИСИ. № 6.
- Гайдар Е.Т.* (2006) Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН.
- Глазков Г.Ю.* (2006) У Ельцина не было реального выбора. Интервью с Григорием Глазковым // <http://www.polit.ru/article/2006/09/29/glazkov>
- «Жестким курсом...» (1990) Аналитическая записка по концепции перехода к рыночной экономике в СССР (фрагмент) // Век XX и мир. № 6.
- Змеинка // <http://www.polit.ru/story/zmeinka.html>
- Кейнс Д.М.* (1978) Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс.
- Найшуль В.А.* Другая жизнь. 1985 // <http://www.inme.ru/previous/otherlif.htm>
- Полани К.* (2002) Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб: Алетейа.
- Попкова Л.* (1987) Где пышнее пироги? // Новый мир. № 5.